
Знание без удачи и успеха: к вопросу об идеалах эпистемологии добродетели*

© 2020 г. А.О. Костина

*Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

E-mail: alinainwndrlnd@gmail.com

Поступила 20.02.2020

Автор опирается на идеи, высказанные И.Т. Касавиным в работе «Парадигма как этика смирения», в частности на предложенный концепт «парадигмы смирения». В данной статье проводится мысль о том, что научная деятельность основана на идеалах рациональности. При этом ее результаты оцениваются при помощи такой категории, как «успех», а сам процесс зачастую контингентен – то есть его результаты сопряжены с положительным воздействием внешних случайных факторов, называемых «удачными». Возникают вопросы: насколько стабильны научные процессы и их результаты, если они случайны, и какую при этом роль играет фигура ученого? Автор подчеркивает, что одним из направлений, представители которого пытаются дать ответы на данные вопросы, а также предлагают альтернативные способы рассмотрения как научного процесса, так и ученого как субъекта науки, становится эпистемология добродетели. Исследования в данной области являются проектом объединения эпистемологии и этики в рамках одного поля для решения ряда эпистемологических задач. Основой при этом становится оперирование этическими категориями и придание эпистемологии характера нормативной науки. В данной статье рассматривается и детализируется аргументация таких представителей направления, как Д. Греко, Л. Загзебски, Н. Шерман, в вопросах субъектоцентризма науки, знания через свидетельство, успеха научного знания.

Ключевые слова: эпистемология добродетели, свидетельство, научный успех.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–12-143-147

Цитирование: Костина А.О. Знание без удачи и успеха: к вопросу об идеалах эпистемологии добродетели // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 143–147.

---

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20–011–00397 «Эпистемология добродетелей: ценностно-нормативный образ субъекта познания».

No Luck, no Success, but Pure Knowledge: on the Ideals of Virtue Epistemology*

© 2020 Alina O. Kostina

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: alinainwndrln@gmail.com

Received 20.02.2020

The author relies on the ideas expressed by I.T. Kasavin in his work *Paradigm as an Ethics of Humility*, in particular – on the proposed concept of the “paradigm of humility”. This article suggests that Scientific activity is based on the ideals of rationality. Herewith, the main measure of accomplishments is success. A number of scientists acknowledge contingency of the process, where ‘lucky coincidences’ factor in significantly. This leads to a number of questions about stability of scientific processes as well as their results. Moreover, it questions the role of a scientist as cognitive agent. The author emphasizes that virtue epistemology is one of multiple scientific areas, which makes an attempt to cover these issues. The field of research combines epistemology and ethics in the effort of generating new solutions to the given problems. Operating with ethical categories along with improving normative basis of epistemology are the main two driving forces of the process. Based on the issues highlighted above, the article presents an attempt of in-depth examination of the views on scientific and testimonial knowledge (seeing the latter as a case of the former) and success given by such researchers as J. Greco, L. Zagzebski, N. Sherman.

Keywords: virtue epistemology, testimonial knowledge, scientific success.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–12-143-147

Citation: Kostina, Alina O. (2020) “No Luck, no Success, but Pure Knowledge: on the Ideals of Virtue Epistemology”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2020), pp. 143–147.

В статье И.Т. Касавина рассматривается ряд эпистемических ценностей и добродетелей, которые могут стать основанием и этическим кодексом ученых. Это методологическая практика обоснования (“justification”); знание через свидетельство (“testimonial knowledge”); признание ограниченности знания; самоотверженность и самозабвение ученого. Данные ипостаси научного смирения играют принципиально важную роль для ценностной эпистемологии, главным образом, по причине ее субъектоцентричности. Субъект здесь – «синтетическая» этически и эпистемологически ответственная фигура, которая может распределять свой груз принятия решений только среди таких же ответственных исследователей. Надежды на случайный успех, удачу и свое тщеславное «я» не должны играть решающую роль.

Сближение двух дисциплин, как и любых других независимых областей, требует обозначения их проблемных узлов и точек соприкосновения. Так, Джулия Аннас [Annas 2011] рассматривает вопрос возможного конфликта моральных и интеллектуальных добродетелей. Изначально обозначая, что они обладают одинаковой структурой,

---

* The article is written with the support of Russian Foundation for Basic Research, project No. 20–011–00397 “Virtue Epistemology: value-normative approach to a cognitive agent”.

она указывает на разницу их телеологий. Так, особо выделяя, что представления Аристотеля о добродетели не исчерпывают всей античной этической традиции, автор делает акцент на практической важности моральных добродетелей как навыков жизни. Их умелая реализация устанавливает связь между категориями добродетели и успеха. Как будет продемонстрировано далее, сам по себе успех, в том числе эпистемологический, не является беспроблемным понятием и критикуется рядом исследователей при рассмотрении его как самоцели. Таким образом, разница телеологий этических и эпистемологических добродетелей, при их структурном сходстве, обозначает границы одного из потенциально актуальных проблемных полей исследований в области эпистемологии добродетели. Если конечной целью моральных добродетелей становятся правильные поступки, то для интеллектуальной добродетели такой целью является достижение истины. Их объединение в одну исследовательскую область – отправная точка дальнейшей разработки проблем ценностной эпистемологии.

Граница этики добродетели и эпистемологии добродетели – не только телеологическая проблема. Так, уходя от статичного рассмотрения категорий и обращаясь к процессу, который ведет к достижению добродетелей, важно задавать следующие вопросы: влияют ли на прохождение этого пути эмоции, является ли удача фактором в достижении как этических, так и эпистемологических добродетелей? Другая не менее важная задача связана с рассмотрением действующего субъекта. Одним из важных свойств направления эпистемологии добродетели (VE – virtue epistemology) является его субъектоцентризм. Анализ удачи, эмоций и самого действующего субъекта связывается с характером процесса исследования, точнее его (не)произвольности и контингентности. Влияют ли эмоции на формирование убеждений, претендующих на статус истинных? В духе этических представлений Аристотеля исследователи Нэнси Шерман и Хит Уайт [DePaul, Zagzebski (eds.) 2003] не рассматривают ни эмоции, ни формируемые ими убеждения как произвольные, но как находящиеся в поле ответственности субъекта. Обращаясь к истории стоической мысли, мы обнаруживаем, что эмоции являются ошибочными суждениями, противостоять которым способен мудрец. Именно в последнем мы видим потенциальный образ субъекта, успешно проходящего путь реализации и нахождения этических и эпистемологических добродетелей. И если, в соответствии с данным описанием, можно точно сказать, в чем главное свойство и залог эффективности мудреца как субъекта – в способности различить истинные и ложные убеждения, проблема внутренних механизмов того, как эта способность реализуется на практике, при этом остается актуальной. Роль мудреца в современной науке должен играть ученый, придерживающийся этического кодекса, который помогает на пути исследований. Постулаты, о которых идет речь в статье И.Т. Касавина, определяют этот путь, предупреждая проблемы, которые могут сопутствовать как разработкам в области эпистемологии в целом, так и эпистемологии добродетели в частности.

Если контроль эмоциональной оценки является внутренним процессом, происходящим с субъектом, то удача – фактор внешний. Современные ученые отводят удаче важную роль в процессе исследования. Однако она является внешним неконтролируемым элементом. Если предположить, что ее можно включить в качестве фактора решения эпистемологических задач, то фокус смещается в область ответственности действующего субъекта. Именно поэтому Н. Шерман и Х. Уайт в статье «Интеллектуальная добродетель: эмоции, удача и Античность» приходят к выводу о пределе сближения и унификации этики и эпистемологии добродетели, указывая именно отношение к удаче как ключевому пункту различия двух дисциплин.

Д. Греко предлагает следующую трактовку роли удачи в познавательном процессе. Как известно, одним из важнейших понятий эпистемологии является знание. В период пост-геттиеровской эпистемологии применение привычных методологий наступил кризис, в ходе которого в том числе произошло переосмысление концепции знания. В одной из наиболее актуальных работ автора «Целенаправленная эпистемология» [Gresco, Henderson 2015] понятие знания рассматривается как предельно функциональное, которое в какой-то момент эпистемологической активности понадобилось исследователям

(“point and purpose”, как это называют авторы). Целеполагание здесь становится частью методологии (см.: [DePaul, Zagzebski (eds.) 2003, 7]). Если истинное убеждение «приписывается» субъекту, то он должен нести за него ответственность. При этом интеллектуальная добродетель становится важным необходимым элементом в выражении доверия данному субъекту [Greco 2010]. Именно внутренняя устойчивость субъекта, систематичность достижения истинных убеждений становятся залогом доверия. Однако данная ветвь рассуждения наталкивается на проблему в определении природы этой систематичности или устойчивости в выдвигании истинных убеждений.

Другое подробное объяснение дает в своей работе Э. Соса [DePaul, Zagzebski (eds.) 2003], заявляя об устойчивой тенденции в формировании истинных убеждений. Истина является единственной фундаментальной эпистемологической ценностью, непосредственно связанной со знанием. При этом автор выдвигает предположение, резонирующее с высказанным ранее Д. Греко. Оно состоит в следующем: люди предпочитают, чтобы их успех, в том числе эпистемологический, приписывался им самим. И все же, выходя за пределы заявленной идеи субъектоцентризма, характерного для VE, следует заметить, что он не имеет такой значимости в изоляции от среды и контекста. Важность взаимодействия субъектов показывается через введение понятия «ценности демонстрации» убеждений в подходящей для этого среде [Sosa 2011]. Именно это становится источником роста истинных убеждений в среде, тем самым снимая нагрузку безошибочного эпистемологического процесса с одного субъекта, разделяя ее, одновременно предлагая менее солипсистскую картину. Это демонстрирует тезис о коммуникативности науки, где «попытки редукции знания как свидетельства к знанию как личному достижению противопоставляются углубленной разработке понятий коллективного субъекта и коммуникативного знания» [Касавин 2020, 136]. Это также соответствует предложенной И.Т. Касавиным (четвертой) ипостаси когнитивного смирения, заключающейся в самоотверженности и самозабвении.

В ценностной эпистемологии на субъекта накладывается огромная этическая и эпистемологическая ответственность. Значим здесь не только результат, даже если это истинное знание. Важны намерения, избираемая методология и приверженность идеалам коммуникативности и индивидуальной ответственности одновременно. Намерения и убеждения должны идти рука об руку. Убеждения, по версии Л. Загзебски, обладают ценностью в отношении истины по следующим основаниям: 1) следствием убеждений является истина; 2) в убеждениях должна присутствовать телеологическая ценность; 3) истина является конечной целью убеждений; 4) убеждения произрастают из благих намерений. Основой в данной схеме становятся намерения. Именно это дает возможность установить субъекта как ответственного, которому можно доверять и приписывать заслуги.

На вопрос о том, что же отличает эпистемологию добродетели от прочих, Кристофер Хуквэй [DePaul, Zagzebski (eds.) 2003] заявляет, что концепция знания и обоснования рассматриваются с точки зрения ценностей. При этом акцент вновь ставится не на рассмотрении и оценке категорий обоснованных убеждений или знания в их статике, но на процесс оценки и регулирования с точки зрения добродетелей.

Рассмотренные выше позиции демонстрируют, что основные идеи ценностной эпистемологии укладываются в «парадигму смирения», предложенную И.Т. Касавиным. Вопросы внутренней структуры научного процесса, его субъектов, а также влияния внешних факторов свидетельствуют необходимости введения не только научной, но и этической парадигмы науки.

Ссылки – References in Russian

Касавин И.Т. Парадигма как этика смирения // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 132–138.

References

- Annas, Julia (2011) *Intelligent Virtue*, Oxford University Press, Oxford.
- DePaul, Michael, Zagzebski, Linda (eds.) (2003) *Intellectual Virtue: Perspectives from Ethics and Epistemology*, Oxford University Press, Oxford.
- Greco, John (2010) *Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Greco, John, Henderson, David K. (2015) *Epistemic evaluation: purposeful epistemology*, Oxford University Press, Oxford.
- Kasavin, Ilya T. (2020) "Paradigm as an Ethics of Humility", *Voprosy Filosofii*, Vol. 12, pp. 132–138 (in Russian).
- Sherman, Nancy (1998) *Aristotle's Ethics: Critical Essays*, Rowman & Littlefield Publishers, Lanham.
- Sosa, Edward (2011) *Knowing Full Well (Soochow University Lectures in Philosophy)*, Princeton University Press, Princeton.

Сведения об авторе

КОСТИНА Алина Олеговна –
кандидат философских наук,
младший научный сотрудник
Института философии РАН.

Author's Information

KOSTINA Alina O. –
CSc in Philosophy, Junior Research Fellow
at the Institute of Philosophy
of Russian Academy of Sciences.